

— Два труса, — вздохнул Хаяма.

— Не могу отрицать, Рин.

Он потянулся. Хотелось открыть окно, чтобы проветрить, но совсем не хватало сил. Однако, даже не произнеся ни слова, Хаяма некоторое время просто смотрел на окно, и оно само собой открылось.

— Глаза устали... Мне действительно стоит задуматься о своём состоянии.

Окно приоткрылось само по себе — жутковатая мистическая история. В комнату потянуло сквозняком, воздух начал циркулировать, и стало немного комфортнее. Хотя это лишь временное облегчение, как пить яд, чтобы утолить жажду: когда влага просочится внутрь, станет ещё хуже. Но пока что хорошо проветрить комнату — неплохая идея.

— Знаешь, почему я выжил? Кроме возраста, есть ещё одна причина.

— Ещё причина... А, глаза...?

Хаяма кивнул, оперся рукой о простыню, чтобы отодвинуться и прислониться к стене.

— Эти глаза уже не так остры, как в детстве. Возможно, это причина нестабильности моих способностей? Если бы это был я из прошлого, то, наверное, не столкнулся бы с ситуацией, когда не вижу духов.

— Рин хочет сказать, что «не видеть» случалось и раньше?

— Разве я не упоминал об этом?.. Кажется, действительно нет. Те ребята из Ассоциации, не знаю, под каким предлогом, но они что-то сделали с моими глазами.

Хаяма потер область вокруг глаз, вспоминая слова Кандзаки, и лишь слегка коснулся их. Давно, или, возможно, никогда раньше он не рассказывал о себе другим. Хаяма не был уверен, насколько логично звучат его слова. Расслабившись, он медленно обдумывал, как лучше изложить события. Должно быть, это не так уж сложно, правда?

— Способности экзорциста связаны со зрением... Не знаю почему, но так оно и есть. Возможно, потому что нужно лучше видеть духов? В те времена я был слепым, и я даже забыл, как смог это пережить.

— Если можно спросить... Что именно они сделали?

Голос Кандзаки явно дрожал от робости, вероятно, он боялся задеть болезную тему. Хаяма почувствовал тепло в сердце, но затем ещё больше погрузился в грусть из-за этих отношений. Слегка помрачнев, он сказал:

— Просто и грубо: вырвали.

— ...Не молчи, прошло уже столько времени, мне действительно всё равно. На самом деле, благодаря слепоте, в средней и старшей школе я жил спокойно. А эти глаза... Их мне подарил один божественный дух, когда я был на Севере.

— Кандзаки?

— Эй, Кандзаки...?

Своими словами он, несомненно, напугал его. Хаяма покачал головой, ничего не поделаешь. Хотя он постоянно подчёркивал, что «не важно», в глазах других он, вероятно, выглядел как человек, который насильно притворяется или лжёт.

— Рин раньше бывал на «Севере»?

— Слава богу, ты наконец заговорил. Да, мой дом был там. Но после происшествия меня оттуда изгнали.

Хм? Почему слова Кандзаки звучат так странно? Учитывая, что он уже был достаточно откровенен, задать такой вопрос, наверное, не слишком лишне:

— Почему тебя заинтересовал «Север»?

— Не знаю... Как-то непроизвольно это слово кажется знакомым. Может быть, я жил там при жизни.

— Понятно.

Хаяма вдруг почувствовал, что, возможно, был слишком прямолинеен. Если бы он сам услышал такие ужасные новости, то, наверное, не смог бы сдержать холодный пот. Логично ли было бы обсуждать такие темы постепенно? Хаяма не понимал.

Кажется, они обсудили немало, и Кандзаки выдал:

— Дай мне время всё обдумать, — после чего полностью замолчал.

Посмотрев на время, Хаяма понял, что если продолжит валяться, то ничего не успеет сделать. Поэтому, несмотря на нежелание, он всё же встал с постели.

Хотя уже ближе к вечеру, использовать слово «встать» звучит немного странно, но суть понятна. Однако, глядя на небо, из-за туч можно было подумать, что уже ночь.

В такую темноту чувствовать себя ленивым — это нормально. Хаяма медленно подошёл к холодильнику, решив приготовить ужин.

Вспомнив, что в духовке остался кусок торта, он решил разогреть его заодно. Прожив здесь уже несколько дней, он впервые почувствовал, что в доме так тихо. Особенно сейчас, когда слышен только звук дождя, Хаяма вдруг ощутил одиночество.

— Обед, кажется, приготовил Кандзаки, — пробормотал Хаяма.

Такое взаимное приготовление еды действительно создаёт ощущение тепла и уюта. Как бы хотелось, чтобы эти отношения продолжались вечно. Хаяма знал, что нельзя терять голову, но как же сложно сдерживаться.

Вернувшись к мысли, почему они избегают друг друга, хотя взаимно влюблены. И каждый раз Хаяма использует «экзорциста» как предлог, хотя на самом деле он даже не имеет права так называть себя.

Может, он слишком много думает, и никто не мешает этим отношениям, всё это лишь его собственные фантазии. Хотя он нашёл достаточно оправданий, возможно, это просто излишняя тревожность...?

— Успокойся, Хаяма Рин, — тихо прошептал он своё имя, затем осознал, что не стоит произносить его полностью. Но что ж, хотя он всегда был настороже с Кандзаки, ему можно доверять.

Раз уж он признал, что «любит», то зачем мучиться вопросом доверия? Хаяма чувствовал, что его мозг превратился в кашу: чем больше он думает, тем глупее становится. Стоя на месте, он размышлял о многом, но все мысли были бессвязны. Может, это то, о чём говорят: «Влюблённые всегда глупеют»? Хаяма не понимал, но, кажется, начал улавливать смысл.

О чём он вообще думает?.. Хаяма вздохнул. Вместо того чтобы болтать здесь в одиночестве, лучше сосредоточиться на приготовлении еды.

— Наверное, порежу себе палец, ха, — пошутил он.

Как же он устал. С тех пор как насильно вытащил Кандзаки на улицу, последствия недостатка физической активности дали о себе знать. Ради своего аппетита Хаяма решил приготовить что-нибудь лёгкое. Вспомнив, что с ним живёт ещё один человек, он крикнул:

— Кандзаки, ты не против, если будет только овощи?

Не зная, где он находится, Хаяма постарался говорить громче, но так, чтобы не потревожить соседей. Как и ожидалось, ответа не последовало.

— Слишком резко, напугал его, — заключил Хаяма.

Надо было быть более мягким. Так говорить с Кандзаки не очень вежливо, и, возможно, в процессе общения он мог бы научиться некоторым навыкам ведения беседы. Это немного похоже на использование Кандзаки как тренировочного инструмента, но это факт.

— Даже руку поднять не хочется...

Неужели каждые выходные так: трудно встать, трудно что-то делать, и даже если заставляешь себя подняться, первое желание — вернуться в постель? Это уже не та напряжённая жизнь, как в старшей школе. Неужели я стал настолько ленивым?

— Отговорки.

Просто хочется поленился, не нужно искать столько оправданий. Хаяма смирился, открыл кран на кухне и начал мыть овощи, только что вынутые из холодильника.

Вода была ледяной, что неудивительно, ведь погода только начала теплеть, а в дождь температура становится непредсказуемой.

— У Рина плохой аппетит?

Спустя некоторое время наконец последовал ответ, из чего можно было сделать вывод, что Кандзаки уже принял информацию, которую ему сообщили. Хаяма почувствовал, что, возможно, слишком нагрузил Кандзаки. Если бы он был более красноречив, то, вероятно, не причинил бы ему боли.

— Очень устал, лёгкая еда будет лучше.

— Меня беспокоит... Если Рин говорит, что мнение «мирного сосуществования с духами» — это редкость, то когда я вселился в тебя...?

Имеет в виду тот случай, когда он насильно вывел его на улицу? Хаяма кивнул и ответил:

— Да. Этот метод запрещён — но меня уже исключили из Ассоциации, так что мне наплевать на их правила.

— Другими словами, если это запрещено, то на то есть причина, верно? — могу я спросить?

Хаяма заколебался. Причину он знал, но, кажется, это не самое подходящее, что можно ему сказать. Однако скрывать тоже нет смысла. Хаяма очень хотел продвинуть эти отношения, говоря проще, не хотел сдаваться ещё до начала романа — хотя именно он сам первым сделал шаг назад.

Помедлив, он всё же честно ответил:

— Потому что это опасно? Если способностей недостаточно, то экзорцист, как носитель, почти наверняка погибнет.

— Что?! Рин! Почему ты не сказал мне раньше!

Авторская ремарка:

В последнее время я страдаю от болезни под названием «не могу встать с постели».

Единственное лекарство — разбить телефон.

<http://bllate.org/book/16196/1453344>